

С. Маршак
БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

ДЕТГИЗ · 1947

С. Маршак

**БЫЛЬ-
НЕБЫЛИЦА**

рисунки В. Горьева

детгиз 1947

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений.
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока все быстрее
Бежали по панели.

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как посерели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись точно утки, —
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошел старик, очки протер,
Залася папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса:

— Вы, верно, жители Москвы?
— Да, здешние — с Арбата.
— Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Какой дом?
— А тот, где надпись „Гастроном“
И на стене газета.
— Ничей, — ответил пионер.
Другой сказал: — СССР.
А третий: — Моссовета.

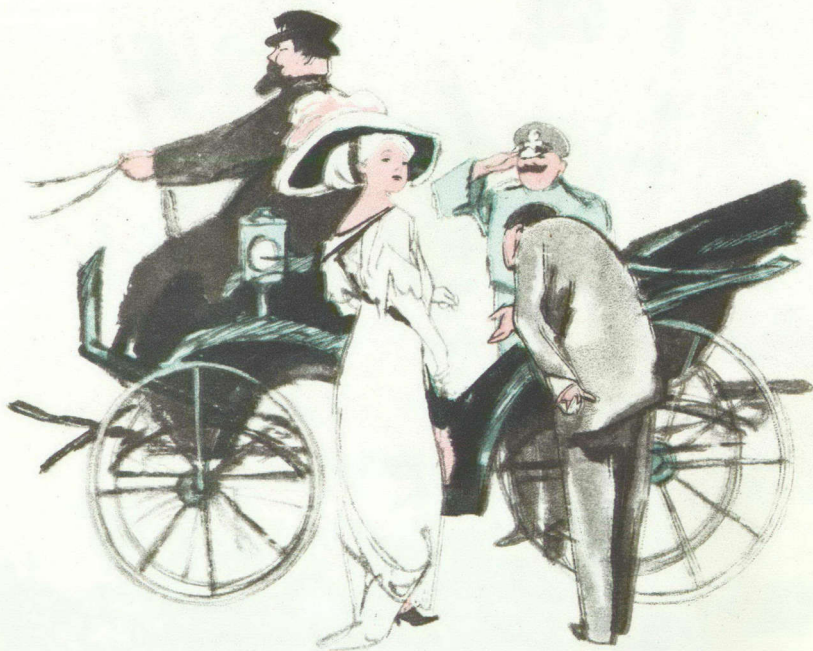

Старик подумал, покурил
И не спеша заговорил:

— Была владелицей его
До вашего рожденья
Адель Петровна Хитрово.

Спросили мальчики: — Чего?
Что это значит — Хитрово?
Какое учреждение?

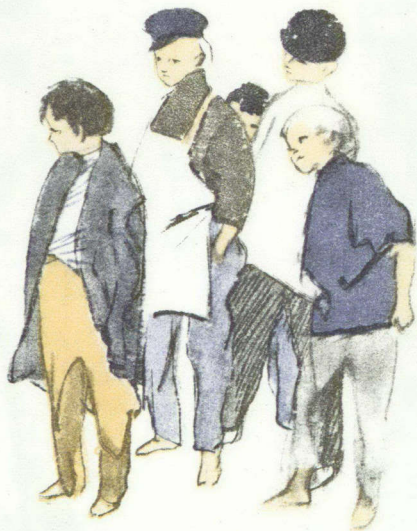
— Не учреждение, а лицо! —
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма. —

Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но озорные дети
С домовладелицей не раз
Проехались в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади — на запятках.
Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

— Что значит, дедушка, лакей? —
Спросил один из малышей.

— А что такое камергер? —
Спросил постарше пионер.

— Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей,
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
С „Владимиром“ на шее.

— Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее? —
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

— Не понимаешь? Вот чудак!
„Владимир“ был отличья знак.
„Андрей“ „Владимир“, „Анна“ —
Так назывались ордена
В России в эти времена. —
Сказали дети: — Странно!

— А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?

— Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.

Мой дед привез меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумаки давали!..

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.
— Ну и гремит! — сказал маляр.
Другой сказал: — Природа!..

Назалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее.
И дождь сильнее захлестал,
Потоков не жалея.

Старик подумал, потурил
И, помолчав, заговорил:

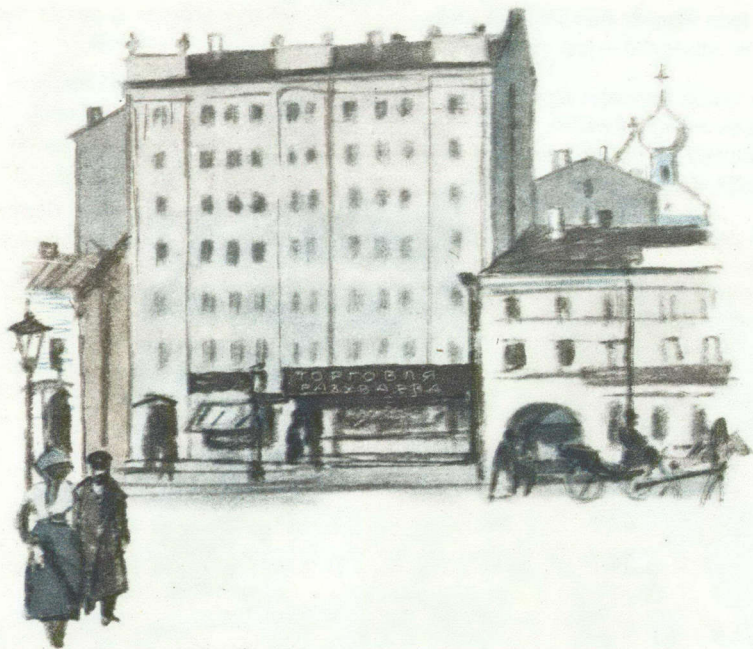

— Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имена и средства.

— Какие средства?

— Капитал
Своей он дочке завещал,
Два миллиона ровно.
На эти деньги лет пятьсот
Прожить без горя и забот
Могла Адель Петровна!

— Но неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме —
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в „Гастрономе“?

— Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,

А свой семиэтажный дом
Сдавала выгодно внаем.

Этаж сенатор занимал,
Этаж — путейский генерал,
Два этажа — княгиня.

Еще повыше — мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой —
Фотограф в мезонине.

Для нас, людей, был черный ход,
А ход парадный — для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли.

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в „Гастрономе“ торговал
Тит Титыч Разуваев.

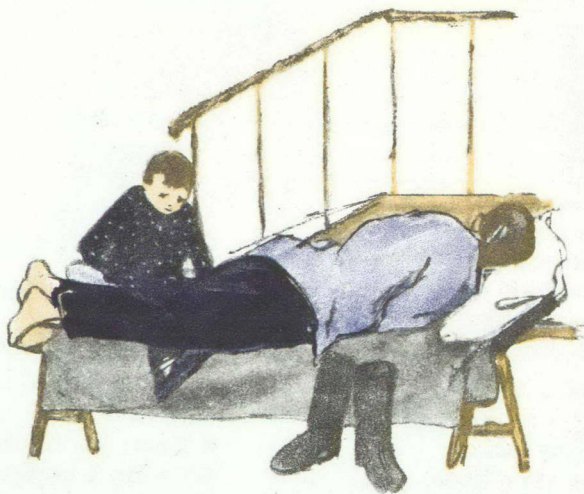
Он приезжал на рысаке
К семи часам, не позже,

И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке.
Но сам за кассою считал
Потёртые копейки.

— А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным, —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!

— Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

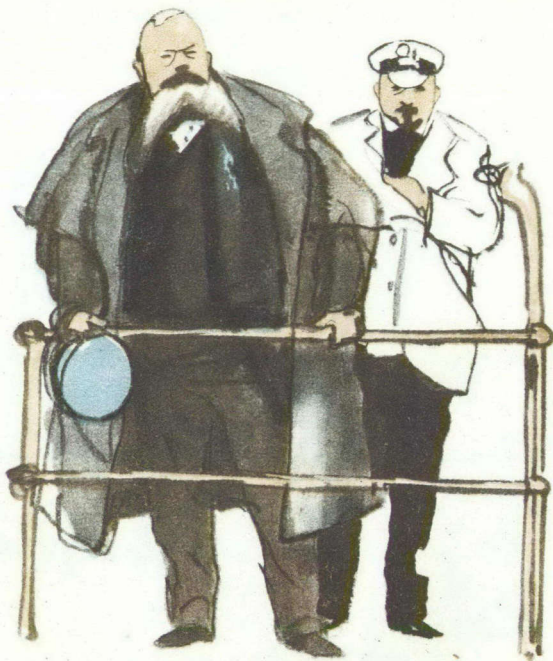

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял народ,
Его баржи тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых вёдрах вдоль бортов,
На каждой их семёрке,
Была фамилия „Багров“ —
По букве на ведёрке.

— Тут что-то, дедушка, не так:
Нет буквы для седьмого!

— А вы забыли твердый знак! —
Сказал старик сурово. —

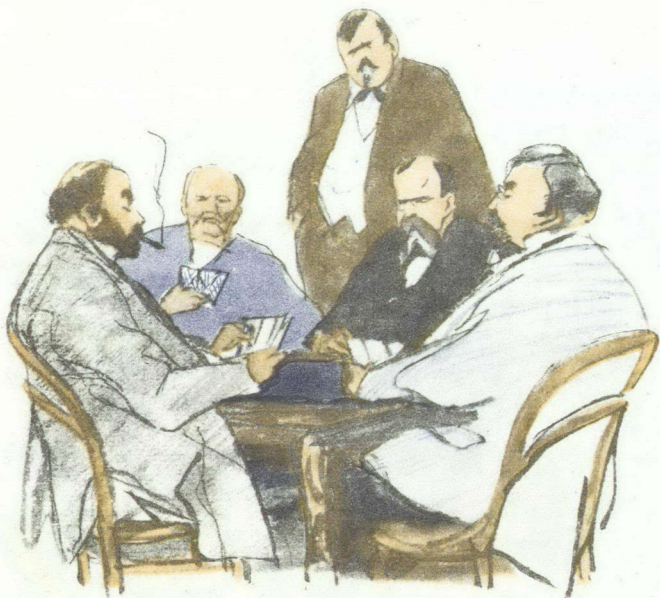

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твердый.
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква „ять“...
Но это — только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы,
А дети продали завод,
Затон и пароходы.

— Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки.

— Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Всё продавали господа —
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда, —
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:

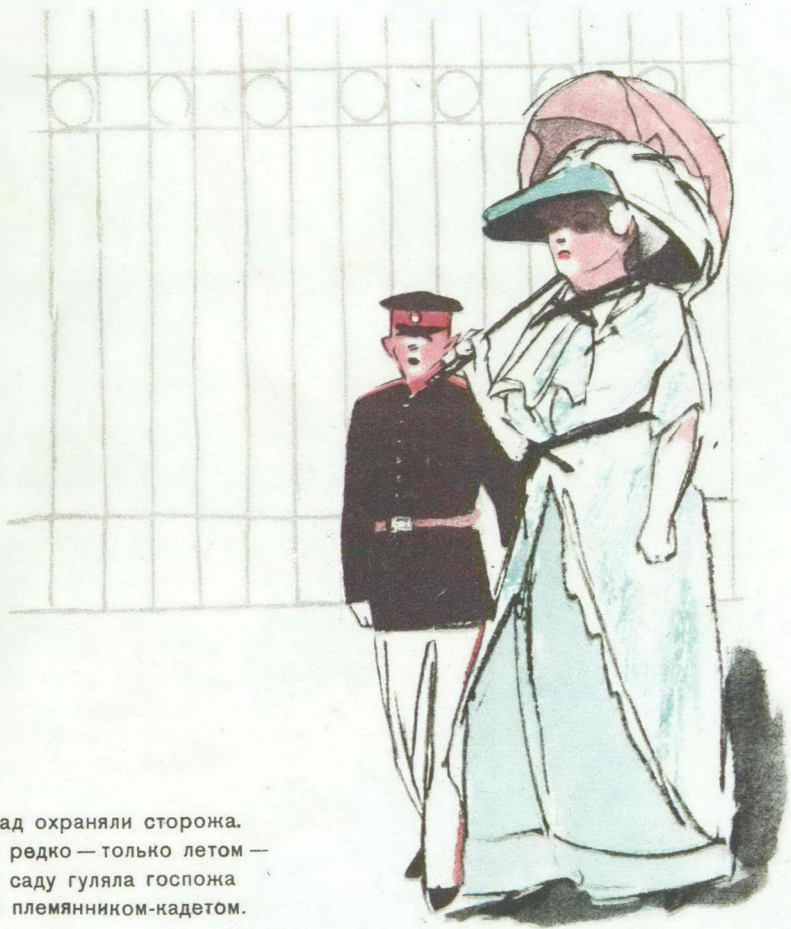
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии.

Не знали мы, рабочий люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нем розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии.

Но только помню до сих пор,
Как мне надрали уши,
Когда я лез через забор
Попробовать их груши.

Сад охраняли сторожа.
И редко — только летом —
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее невпример,
Растет не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.

— А может, выйдет генерал,
Ноль учится примерно!—
Один из маляров сказал.
Другой сказал: — Наверно!

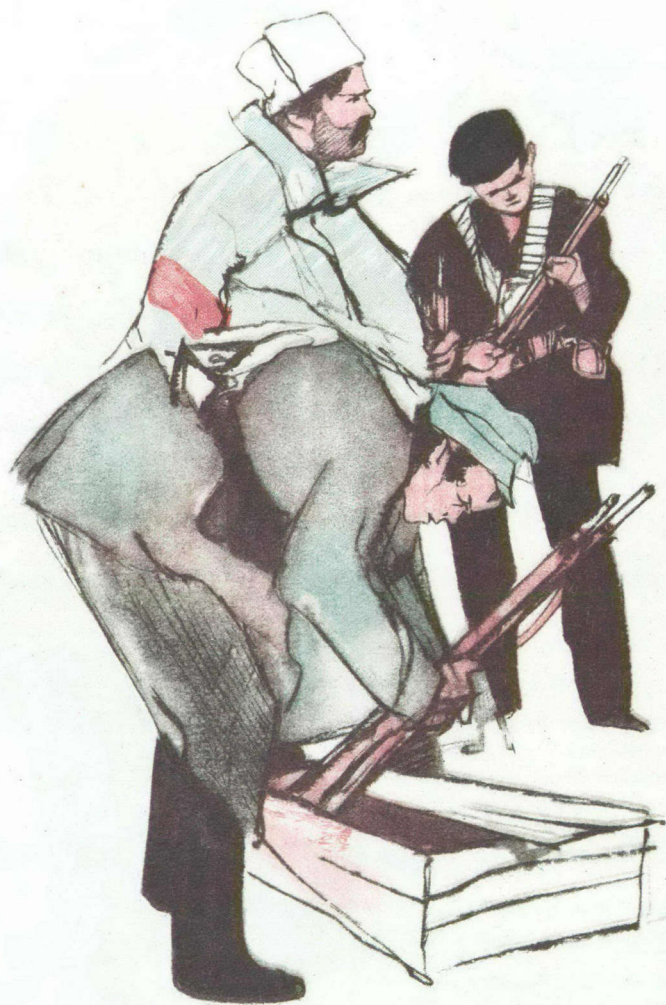
— А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?

— В какой?

В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-денской
И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошел —
И кончил забастовкой.
И уж последнюю из школ
Прошел я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

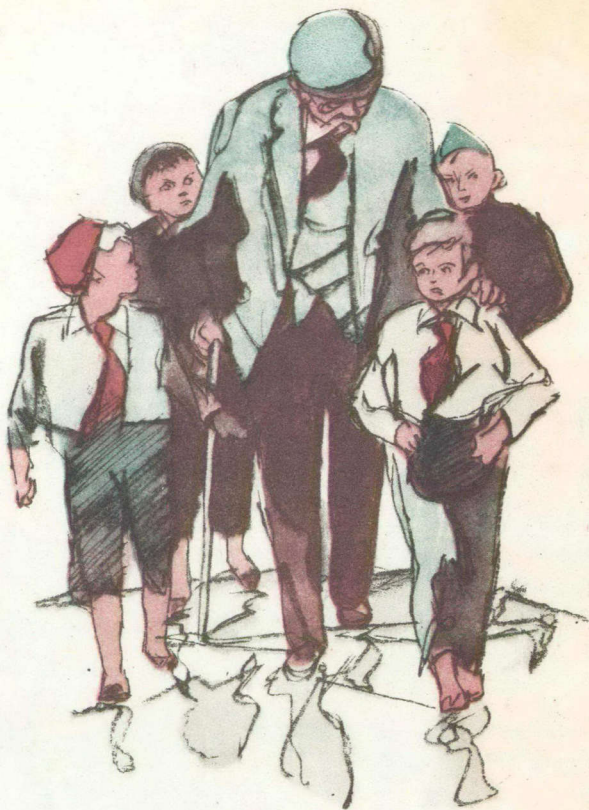
Да, изменился белый свет
За эти три десятка лет!
Мы прожили даром.
Хоть нелегко бывает нам,
Идем мы к новым временам
И не вернемся к старым.

Я не учен. Зато мой внук
Проходит полный курс наук!

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
„Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоем поедem в Химки"...
Вот он, суворовец, мой внук,
С товарищем на снимке!—

5

Прошибла старика слеза,
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струей горячей света.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Н. Максимова. Художественный редактор Б. Дехтерев.
Технический редактор В. Артамонов. Корректоры Е. Балабан и Р. Лишние.
Подписано к печати 28/X 1947 г. 4 в. л. (346 уч.-изд. л.). Тираж 50000 (11-80 тис.) экз.
A06998. Заказ № 607.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.

2846/99